

Американо-российские отношения при Буше и Путине

Респондент: Фёдор Лукьянов

С 2002 редактор, *Россия в глобальной политике*

Интервьюер:

Иван Грек

The Bridge Research Network

Дата интервью:

7 апреля 2021 г.

Редакционная примечание и дисклеймер:

Эта транскрипция прошла проверку на точность в соответствии с правилами академического сообщества и высокими стандартами транскрипции. Центр Президентской Истории ставит своей целью отразить слова респондентов с максимальной точностью. Все видеозаписи интервью содержат неотредактированные ответы и представляют исходные версии слов, сказанных интервьюируемыми.

Для того, чтобы облегчить чтение транскрипций, из них были удалены элементы прямой речи, такие как фальстарты, незаконченные слова и слова-паразиты (например, «вы знаете»). Окончательные транскрипции будут соответствовать стандартным практикам изучения устной истории. Редакторы согласуют все транскрипции с окончательным Центром президентской истории.

Предложения правок и вопросы могут быть адресованы к редакторам по адресу cphinfo@smu.edu.

Цитирование

Фёдор Лукьянов, интервью Ивана Грека, 7 апреля 2021 г. Проект коллективной памяти «Российско-американские отношения при Буше и Путине», Центр президентской истории, Южный методистский университет.

[Начинается транскрипция]

ГРЕК: Когда Джордж Буш стал президентом в январе 2001 года, какой работой вы занимались? Как пришли на эту должность? Расскажите о своем профессиональном пути?

ЛУКЪЯНОВ: В 2001 году я работал в газете, которая называлась «Время новостей» — ежедневная политическая газета. Я был заместителем главного редактора, занимался в основном международной информацией. Поэтому тема предвыборной кампании, выборов американских и Буша, в частности, это впечатляющая драма с пересчетом голосов и признание и непризнание победы Гора: все это было в сфере моей ответственности.

Но это было очень интересно, мы тогда за Америкой следили с таким ощущением, что это реально касается нас тоже. Интерес и аудитории был большой, и, естественно, профессионалов. Буш, как фигура... у нас, во всяком случае, в кругах творческих и условно либеральных, мы следовали скорее в кильватере американского прогрессистского восприятия, что Гор был символ какого-то нового политика, и повестка экологическая и вообще такой либерал, а Буш, наоборот — ставленник чего-то более реакционного. Хотя, мнения были разные, в частности, отношения с Соединенными Штатами в последний период Билла Клинтона зашли, в общем, в тупик. И в Америке были крайне разочарованы развитием [отношений с] Россией, и у нас тоже

[00:02:00]. Еще даже Борис Николаевич Ельцин был крайне раздосадован в последние месяцы своего президентства.

И поэтому приход республиканцев, некоторыми трактовался как возможность нового начала. Тем более, что существовала, сейчас уже нет, такая легенда о том, что советским и российским руководителям проще иметь дело с республиканцами, которые более конкретные, более предметные, они железо любят, материальные вещи. Чем демократы, которые вечно придумывают какую-то идеологическую надстройку.

И в советские времена с республиканцами были какие-то прорывы и разрядки, не знаю: Никсона вспоминали, Эйзенхауэра вспоминали, а с демократами как раз не очень. Если вспомнить Кеннеди, в начале, или Картера. Ну короче говоря, приход Буша воспринимался с интересом. Я бы не сказал, что были какие-то очень большие ожидания, но во всяком случае, было ощущение, что что-то изменится, но потом действительно изменилось, но, конечно, не совсем так, как кто-то прогнозировал.

ГРЕК: Как вы отнеслись к Владимиру Путину, когда он пришел к власти и какие у вас были ожидания относительно его внешней политики в отношении США?

ЛУКЪЯНОВ: Путин пришел к власти при очень неожиданных обстоятельствах, как мы все помним. Эпоха Ельцина закончилась с одной стороны предсказуемо, потому что Борис Николаевич последние годы у власти был в очень уязвимой физической форме, мягко скажем. И в общем, было понятно, что

[00:04:00] он не потянет дальше, но досрочный уход не ожидался. И тем более удивительным было возникновение Путина, как преемника. Когда он [Ельцин] впервые назвал эту фамилию, это было в августе [19]99 года, очень многие просто переспрашивали: «А кто это?».

То есть, ну да, он был директор ФСБ, вроде как очень высокая должность, но, во-первых, ФСБ в те поры еще не играла той заметной роли, как потом. А во-вторых, Путин просто был предельно не публичным человеком. И когда возникла именно эта фигура, конечно, это вызвало большое удивление. И многие, ну как мы теперь понимаем, крайне ошибочно полагали, что это какая-то временная затычка, а потом будет следующий раунд. Тем более, что Путин был третий или четвертый в ряду гипотетических преемников, которые объявлялись Ельциным или его окружением, а потом исчезали. Но, вот, оказалось все совсем не так.

Значит, что касается внешней политики, то, естественно, первое опасение, которое многие излагали, заключалось в том, что Путин, с его опытом спецслужб и советской инерцией отношения к Западу, начнет поворачивать в какую-нибудь изоляционистскую или антизападную сторону. На самом деле, в первый период Путина у власти произошло прямо противоположное. Это был, наверное, один из наиболее западно-ориентированных моментов, вообще в русской истории. В большей даже степени, чем в 90-е годы, потому что, да, в 90-е годы был [00:06:00] порыв

мощнейший. И Ельцина, и его соратников [сказали], что теперь мы вольёмся в Запад, но тогда этот порыв не был обеспечен ничем, потому что просто состояние России было крайне хрупким, и политика могла проводиться прежде всего из соображения: «А что мы вообще можем себе позволить?».

Путин, который начал стабилизировать функционирование государства: он получил, обрёл возможность как-то более целостно формулировать политику, в том числе в отношении Запада. И он демонстрировал довольно высокую заинтересованность в том, чтобы, наконец-то, после 10-ти лет потрясений разного рода, внутренних прежде всего, выйти на какую-то торную дорогу, когда Россия займёт своё достойное и подобающее ей место в некоем западнцентричном мире. Это было в отношениях с Соединёнными Штатами, это было в отношениях с Европейским союзом. Продлилось это первую половину, наверное, 2000-х годов, дальше пошли события, которые постепенно, но довольно быстро, эту картину стали уничтожать.

ГРЕК: На момент прихода Путина и Буша к власти, какие школы мысли о российско-американских отношениях существовали в России? И какие из них проигрывали, [какие] побеждали, какие внутренние конфликты между ними были?

ЛУКЪЯНОВ: Ой, ну школ мысли, прям вот в таком системном виде, я бы не назвал.

Вообще тогда была достаточно подвижная интеллектуальная [00:08:00] среда

и очень, надо сказать, многообразная. В некотором смысле более многообразная, чем на Западе. Потому что у нас в центр внимания, в том числе и государственной политики, могли попасть персоны, которые, скажем, в западном контексте были бы сугубо маргинальными. Что с одной, что с другой стороны. Никогда не попадали бы в мейнстрим, а у нас они могли попасть, правда ненадолго, потом выпадали. Я не знаю, это могли быть какие-то ультралибералы, внезапно, которые примыкали и которые становились попутчиками, или наоборот махровые консерваторы, типа Дугина. Я с трудом себе представляю, чтобы в Америке или в Великобритании такие люди попадали в дело принятия решений, хотя бы даже ненадолго. У нас это бывало.

Ну школы мысли определялись ситуацией. В целом, как я уже сказал, говоря о Путине первого периода: доминировала точка зрения, что нам надо каким-то образом встраиваться в этот мир, который ваяет Запад и Соединённые Штаты. Как встраиваться? Тут были разные мнения: были люди более умеренных взглядов, которые полагали, что не надо бежать впереди паровоза, были люди, которые — причем многие из них потом совсем изменили свои позиции — считали, что нам вообще надо превратиться в главного партнёра Соединённых Штатов. Скажем, чуть-чуть забегая вперед... очень интересные дискуссии шли, когда в конце 2002-го, начале 2003-го года в Соединённых Штатах уже стало понятно, что

американцы готовятся к войне против Ирака. И у нас были разные мнения: у нас были мнения от [00:10:00], ну таких, традиционных, что мы должны вместе с Саддамом Хусейном встать на защиту суверенитета против американского гегемонизма, а были мнения ровно обратные, что поскольку американцы сейчас — сила, и они все равно этого Саддама сокрушат, естественно. И вообще Ближний Восток под себя подомнут: надо к ним примкнуть и хотя бы получить какую-то долю тех трофеев, которые Америка обретет.

Но ни та, ни другая позиции не были доминирующими, но они присутствовали. А доминирующей была, пожалуй, позиция Путина, он её не формулировал прямо публично, но по сути она была такая, что: «Ребят, вы делаете чудовищную глупость. Ничего хорошего у вас не будет, но go ahead». Значит, так сказать: пока у вас силы есть, давайте.

Потом эта позиция немножко скорректировалась под воздействием товарищей из Европы. Потому что в ту пору, по своим причинам, канцлер Шрёдер и президент Ширак заняли крайне резкую антиамериканскую позицию. Гораздо более резкую, чем Россия на тот момент. И они были крайне заинтересованы, в том, чтобы подтащить Путина, чтобы втроём выступить единым фронтом.

Путин, надо сказать, колебался и не чтобы рвался этим заниматься, потому что он полагал, что это в общем не является нашей основной задачей

в данный момент: сориться с Соединёнными Штатами. Тем более, что отношения личные с Бушем были вполне неплохие.

Но он все-таки пошёл, его убедил Ширак прежде всего, что это надо. Он пошёл на это, как я полагаю, рассчитывая, что в ответ на такой вот шаг, Европа после этого пойдёт на качественное сближение [00:12:00] с Россией: новая абсолютно модель отношений, уже объединение ресурсов, усилий и все такое — и ничего не произошло подобного. Когда все закончилось, Франция и Германия благополучно помирились с Соединёнными Штатами, а России было сказано: «Да, конечно, давайте интегрироваться, но знаете, у нас Евросоюз, вы вот, пожалуйста, в Брюссель обращайтесь, к сожалению... Мы всецело за, но мы ничего сделать не можем».

Это, мне кажется, был, на самом деле, очень серьёзный момент для Путина, когда он понял, что в общем, идти на встречу западным странам можно, но надо понимать, что эта встреча только до тех пор, пока это им нужно. Как только их надобность отпадает, у них сразу снижается интерес к чему бы то ни было.

И в целом доминировала позиция... да, у нас довольно важную роль, если говорить о формировании взглядов на иракскую войну, конечно, играла востоковедческая школа и, в те поры ещё вполне дееспособный и относительно молодой, Игорь Максимович Примаков, который, естественно, категорически был против войны. Но он был против войны не только

потому, что он лично знал Саддама Хусейна и провёл в Ираке много лет когда-то, а потому, что он, его коллеги, его единомышленники, они в общем представляли себе во что это выльется.

И, оглядываясь назад, можно сказать, что российский анализ Ближнего Востока и того к чему приведёт американское вмешательство — был абсолютно корректным и точным. Некоторые американские коллеги впоследствии признавали в разговорах: «Ну да, конечно, оказалось, что вы были правы, а мы нет». Потому что я очень хорошо помню те дискуссии с американскими экспертами, когда наши начинали им объяснять [00:14:00]: «Вот, когда вы свергнете Хусейна, будет вот это, вот это и вот это», они говорили: «Да ладно, знаем мы, вы русские, все будет нормально». Но потом... вот действительно, это очень был, для нас всех очень [большой] урок уважения к себе. Потому что прогнозы и анализ наших специалистов, ну многих, лучших, оказался предельно точным. И совершенно неправильными оказались американские расчёты, во всяком случае те, которыми руководствовалась администрация.

Но в целом, что важно на мой взгляд, сейчас уже, оглядываясь назад сказать, что Ирак сам по себе, наверное, таким вот прям потрясением не стал. То есть, даже когда все произошло, и все это приняло те формы, которые приняло... Путин, я думаю, сделал свои выводы про взаимодействия с Америкой.

И у меня есть такая мысль, тогда еще появилась, многие с ней спорят, что совпадение окончательного решения Путина ликвидировать ЮКОС и заняться личностью Ходорковского (на тот момент это была крупнейшая российская нефтяная компания мирового масштаба). И, в общем, Ходорковский имел намерения путем взаимодействия, слияния с американскими партнерами выйти на самый высокий мировой уровень, но эта была частная компания. И мне кажется, что, помимо прочих причин, которых было много, то, что случилось в Ираке, а это было воспринято, как доказательство того, что если Соединенные Штаты чего-то хотят, то они это сделают. Их не остановит ничего: ни возражения союзников [00:16:00], ни международное право, ни совет безопасности ООН. Они просто это все проигнорируют и сделают так, как считают нужным.

И это значит, как мне кажется — я реконструирую мысли Путина, не знаю какие они были — всем надо готовиться к тому, что может быть все, что угодно. А это значит — консолидировать ресурсы, силы и те, так сказать, конкурентные преимущества, которые у страны есть, на случай форс-мажора. А у России какое конкурентное преимущество? Сырье. Поэтому допустить существование мощнейшего, независимого игрока на этой площадке — просто невозможно и неправильно со стратегической точки зрения, вот мне кажется, что это было дополнительным фактором принятия решения о ЮКОСе.

ГРЕК: А здесь вступают в роль моменты с непредсказуемостью: доверием и недоверием, и, когда мы говорим про период отношений между Путиным и Бушем, мы, обычно, все время вспоминаем отличные отношения. Каковы лимиты их личных отношений и как они могли повлиять, опять же, на доверие или развитие отношений между странами?

Такой, вот первый маркер отчета — это встреча в Словении в 2001, когда у них, как спорят одни эксперты завязалась личная химия, от которой много чего ожидали, когда другие в то же самое время говорили: «Ничего особенного в этом не будет». Как вы считаете, случилась ли какая-то химия? Была ли какая-то реакция администрации президента на установившиеся взаимоотношения между Путиным и Бушем? И чуть дальше проводя аналогию, смогли бы вы сравнить отношения Ельцина-Клинтона и Путина-Буша?

ЛУКЬЯНОВ: Что касается химии, то мне кажется, что она была. Ну что такое химия — это вообще [00:18:00] довольно трудно понять, это такое красивое слово. На самом деле, некая симпатия, по-моему, присутствовала, человеческая. С чем она была связана — это вопрос сложный. Наверное, чтобы это хорошо понять, надо знать личность и Буша, и Путина.

Но я помню, что тогда, некоторые рассуждали, что одна из причин их взаимопонимания персонального: по разным причинам, но и Путин и Буш в какой-то момент своей жизни пришли к религии, уверовали и как такие, ну в

некотором смысле, неوفиты, очень чутко относящиеся к этой теме, они нашли такую точку соприкосновения. Но это, то что тогда говорили. Это звучит достаточно правдоподобно, хотя, естественно, мы не знаем так это или нет.

Вообще, тот период—не только Буш, но и другие отношения Путина с западными лидерами—стал ярким убедительным доказательством того, что химия по большому счету ничего не меняет. С Бушем была не химия, но в общем, какие-то такие человеческие нормальные отношения. Которых, например, категорически не было с Обамой вообще. То есть с Обамой они вот [делает жест рукой, указывающий, что они не были связаны].

К чему пришли вообще отношения России с Соединенными Штатами к концу срока Буша, в общем мы помним — к войне. То есть, никакая химия здесь не помогла.

Другой пример — обратный, но к тому же выводу ведущий — это отношения Путина с рядом европейских лидеров: Шрёдер, Ширак, Берлускони [00:20:00] — три, на самом деле, на тот момент ведущих главных европейских интеллектуальных политика. Симпатии, дружба с некоторыми из них она продолжается, и Берлускони тут бывает просто уже с частными визитами. И Шрёдер, так сказать, вообще партнером стал. Это ничего не дало. Логика отношений России и Европейского союза никак не изменилась

от того, что у Путина были очень дружеские и теплые отношения с тремя главными европейскими политиками. Все.

С Блэром, с которым закончили просто острейшим конфликтом, начиналось все с очень доброжелательных отношений. Блэр самый первый приехал, еще, по-моему, до инаугурации Путина в 2000-ом году. Путин был избран, но еще не приведен к присяге. Они ходили пить пиво вместе в пивную в Москве. В общем, все было очень....

Это меня, как человека, занимающегося международными отношениями, приводит к тому чему мы учим студентов: что на самом деле есть железные законы, теории международных отношений, которые все равно так или иначе проявляются в любой ситуации. А все остальное — это наносное.

Конкретно с Бушем. Ну Путин — человек в общении достаточно впечатляющий, то есть, своей эрудицией, своей памятью, своим знанием материала. И умеющий вести разговор, умеющий не только говорить, но и слушать, когда он хочет. Я думаю, он производил, довольно сильное впечатление. И производит до сих пор, наверное. Довольно сильное [00:22:00] особенно тогда, после Ельцина. Ну с Ельциным разговоры были крайне своеобразные, когда они были, потому что в последние годы он не очень был в состоянии, так сказать, много заниматься внешней политикой и лично встречаться. И Путин производил впечатление человека предельно

делового, конкретного, способного решать вопросы, чего в случае с Ельциным было гораздо меньше.

А Буш со своей стороны, я думаю — опять же, это мои сугубо домыслы — он был во многом антиподом, потому что как раз всем этим он не обладал, зато он обладал чем-то таким человеческим. То есть в нем было что-то, может быть связанное с его разгульной молодостью, но он не был схемой, роботом таким.

Потому что Обама во многом воспринимался, потом уже воспринимался здесь, как такой человек-схема. Очень холодный, очень расчетливый, не особенно восприимчивый к чему-то, к каким-то аргументам. И, как бы, воспринимающий только то, что вписывается в его схему. Очень рациональный, рассудочный человек. Вопреки образу, который был наоборот, такой весь из себя теплый, но это мне многие американские коллеги говорили, кто работал с Обамой, что у него очень контраст большой, между публичным образом и его характером.

Так вот, Буш как раз был такой, вроде, парень... ну нормальный пацан, как мы привыкли. Со всеми плюсами и минусами, недостатками. Я думаю, что могло вот это сыграть роль.

По своему типу, вот как бы предыстория генезису Буш был антипод тому, что в принципе привлекало Путина. Потому что, если посмотреть на тех лидеров, с кем у Путина складывались [00:24:00] особенно доверительные

отношения тогда: это были люди, которые, как и он сам, с самого низа, своими силами, усилиями добрались до самого верха. Шрёдер тоже самый — сирота из бедной семьи, который, так сказать, дошел до первой позиции. Берлускони — человек, который сделал себя сам из ничего. Мне рассказывали, что у Путина были очень теплые отношения с президентом Финляндии Тарьей Халонен. Тоже самое: из самых низов финского общества пролетарских дошла до....

И вот Путин, как бы понимая, что это значит, он сам прошел примерно такой же путь, он испытывал симпатию. Ну Буш, конечно, в эту категорию совсем не попадал. Это, значит, мальчик с золотой ложкой во рту, аристократ, богачей, но зато он такой был, вроде [машет рукой].

Опять же, оглядываясь назад и анализируя уже, так сказать с позиции того, что мы знаем сегодня: это ничего не дало, ничего не дало. Так что, это интересно, но не более того.

ГРЕК: Согласитесь ли вы с утверждением, что Путин какое-то время смотрел на Буша как на пример, на модель некоторую?

ЛУКЬЯНОВ: Нет, я не думаю, что он смотрел на Буша как на модель. Тут другое можно сказать: Россия всегда, и кстати до сих пор, как не удивительно, хотя в меньшей степени, смотрит на США как на главную страну мира. Модель не в том смысле, что надо делать так, как они, а в том, что они все решают, что от них все зависит. Сейчас этого меньше, по понятным причинам, и, наверное,

это будет постепенно уходить, но в тот период, конечно, [00:26:00]
американоцентричность российской политики была в высшей степени
выражена, и убежденность, что все вопросы в конечном итоге надо решать
там и как-то нужно найти формы, договоренности — это было, и это очень-
очень мощная традиция, она уходит, наверное, корнями в Холодную войну,
когда две страны, собственно, были главные в мире. То есть это касается
Соединенных Штатов, как субъекта международных отношений.

Что касательно Буша: нет, я честно говоря, как-то ничего мне не
приходит в голову, что доказывало бы, что Путин хотел действовать как он. А
тут другое: что при Буше — не потому что такой он, а потому что такой была
фаза — началась политика очень жесткого и резкого экспансионизма, не
глядя ни на что — продвижение демократии и прочее. И просто Путин
пришел к выводу, что теперь вот так вот принято. Не то, что мы должны
вести себя как Америка, а вот теперь так себя ведут, и это надо учитывать, и к
этому надо готовиться.

ГРЕК: Если переходить уже на уровень событий и их влияния на отношения, то,
первый вопрос, наверное, один из первых острых вопросов — был выход
США из договора об ограничении систем противоракетной обороны в 2001
году, который проходил на фоне повестки его расширения в НАТО. Как
отреагировала Россия? Насколько сильно это поменяло отношение к США?

ЛУКЬЯНОВ: Вы знаете, вот это вот очень интересный момент. Почему он интересен именно сейчас, глядя из 2021 года на 20 лет назад? Тогда многие даже удивлялись как спокойно [00:28:00] и, казалось бы, безразлично Россия к этому отнеслась. Были сделаны все заявления: «Это разрушает фундамент стратегической стабильности», «Основополагающий договор», «Это очень плохо», «Соединенные Штаты дестабилизируют международную ситуацию», — но они сделаны и сделаны. Никаких, в общем-то, ответных мер, как тогда казалось, не было. Просто Россия приняла к сведению. Дальше началась длительная, многолетняя полемика или такое препирательство, я бы сказал, по поводу системы ПРО, американской, которая была в центре дискуссий довольно долго. Сейчас, кстати, интересно, что сейчас особенно никто и не вспоминает — видимо, потому что с системой ПРО не очень получилось, да и вообще повестка куда-то ушла совсем в другие стороны — но это был важный элемент именно дискуссии, что: «Вы создаете ПРО, вы хотите добиться неуязвимости, тогда извините, мы тогда будем из этого исходить».

Путин же—кстати, с Бушем это было, потом это как-то ушло—он Бушу делал всякие предложения, «Если вы говорите, что ПРО направлено», — кто там назывался: «Иран, Северная Корея — хорошо, это и нас беспокоит, давайте вместе». Предлагались там какие-то наши радиолокационные станции включить в эту систему, но из этого ничего не вышло в итоге, но дискуссия шла.

Так вот, сейчас уже глядя назад и видя то, что сейчас мы имеем, и вспоминая яркое выступление Путина, когда это было? В [20]19-ом? В [20]18-ом году? [00:30:00] Когда он показывал картинки ракет, которые летят, вот это новое оружие: гиперзвуковое и так далее. В общем выясняется, что, конечно, реакция на самом деле была совсем не такая. То есть можно предположить, что в тот момент Российское руководство без оглашения этого на публику пришло к выводу, что вся система поддержания стратегической стабильности, как она была создана в годы Холодной войны будет ликвидирована. Договор по ПРО, действительно был основополагающим таким, фундаментальным, cornerstone то, что говорят. Ну и раз мы это убираем, то значит все остальное через какое-то время тоже исчезнет.

И я так думаю, что тогда было принято решение принципиальное о качественной модернизации ядерного потенциала, результаты чего мы получили: публика узнала уже во второй половине 2010-х годов. Ну процесс долгий, инвестиции крупные, инвестиции, наверное, были частью как бы открытые, частью, может быть дискретные, секретные, но вот как раз теперь понятно, что это была действительно очень важная веха, такой поворотный момент. Тогда, наверное, по причинам, не знаю по каким, по разным причинам, предпочли об этом вообще, ну как бы так, снизить значимость, но видимо это стало первым принципиальным шагом. А поскольку да,

действительно, это совпадало с расширением НАТО, ну расширение НАТО было решено раньше, но тогда просто уже физически оно началось. Иракская война [00:32:00], которая вот тоже добавила этого убеждения, что Соединенные Штаты будут делать вот все, что они захотят: вот все, вот как они решат, так они и будут делать, им все равно как будет кто реагировать. То есть это, конечно, все друг на друга наслаивалось. А когда начались усилия американские, западные по поддержке демократизации соседних с Россией стран, вот эти так называемые цветные революции, я думаю, что там уже в совокупности, это сформировало уже такую перспективную картину, что мы постепенно, но неуклонно и неизбежно переходим к новой конфронтации.

ГРЕК: В скором времени после выхода США из договора, произошло 9.11. И как Россия отреагировала в общем, как общество? Как российская власть отреагировала на это событие, на теракты 11 сентября? И повлияли ли эти теракты на определение российской политики в отношении США, в особенности в связности, в связи с Ираком, то есть были ли какие-то... может быть 9.11 воспринималось как легитимирующий фактор к войне? И если можете дать ответ с точки зрения и власти и общества будет, такая, наверное, более общая картина.

ЛУКЪЯНОВ: Ну что касается Ирака, то здесь у нас, мне кажется, за очень редкими исключениями каких-то яростно прозападных деятелей, картина была

совершенно очевидной, что Ирак никакого отношения к 11 сентября не имеет. Саддам Хусейн — кто угодно может быть, но только он не сторонник Усама бен Ладена, и это чистой воды притянутый за уши повод, для того, чтобы [00:34:00] расправиться с давним врагом, отомстить за папу, как тогда говорили, что: «вот он хотел убить папу, я убью его». И соответственно, ну скажем: достаточно широко распространенная версия — примитивная, но, что уж тут делать? — заключалась в том, что это исключительно война за нефть, что американцы хотят под этим соусом прихватить всю ближневосточную нефть. Возможно, такой мотив и был, но безусловно, им не исчерпывалось. То есть Ирак, ни властью, ни обществом не воспринимался как... То есть это сугубо использование лживого повода для реализации своей политики.

А вот само 11 сентября, ну конечно, это было потрясение, как и везде. Конечно эти картины, которые мы все наблюдали, почти в прямом эфире... ну трудно было поверить, что это вообще говоря возможно. Я этот вечер прекрасно помню, значит в Нью-Йорке было 9, в Москве было 5, я работал в газете, мы уже вступили в последний этап выпуска следующего дня. Более-менее все было собрано, оставалась редакционная работа, верстка и так далее. И тут, значит — крики, вопли: «Смотрите, что творится, по телевизору показывают, как эти самолеты врезаются».

Честно скажу, у меня вот, я хотя и занимался международной политикой тогда тоже уже, но я в первые моменты, даже первый некоторый период недооценил масштаба последствий. То есть да: «Кошмар-кошмар, как же так», — и все такое, но «как-то утрясется». Вот, но так через какое-то время уже стало понятно, что утрясаться будет совершенно по-другому.

И в целом, наверное [00:36:00], будет правильным сказать, что реакция была скорее симпатизирующая, ну реакция властей известна: Путин был первым иностранным лидером, позвонившим Бушу, предложившим свою поддержку. Он очень решительно высказался в солидарность и готовность бороться с этим новым злом. Конечно, у нас было, было ощущение такое, это не злорадство даже было, а чувство такое: «Ну мы же вам говорили», потому что параллельно шла чеченская кампания вторая, которая подвергалась жесточайшей критике Соединенных Штатов: и давление, и осуждение, и, даже какие-то, по-моему, тогда санкции не вводили, но, в общем, моральное, политическое давление было очень мощно. Российский аргумент всегда был: «Вы не понимаете с кем мы боремся, это никакие не борцы за свободу, это международный террористический интернационал, и вот, вот, пожалуйста, вот посмотрите кто эти люди, вы нам говорили, вот такие-же».

Но и тогда, конечно, было представление, что это создает основу для качественно иного сближения: вот враг, вот все, новый враг. И это подкреплялось тем, что звучало из Вашингтона, когда говорилось, значит,

что это, вот, как там, война против терроризма мировая и так далее. Но хватило этого, наверное, на год, вот этой риторики. Она была не пустая, действительно, многие рассчитывали, что так теперь создается поле для взаимодействия, которое не будет конкурентным [00:38:00], что вот здесь-то у нас общий враг и общий интерес. Но потом, особенно Ирак, и достаточно демонстративное использование террористической темы против Ирака и решения каких-то других вопросов, конечно, уже сильно все начали размывать. И, собственно говоря, и в Соединенных Штатах тема борьбы, войны против террора: она через какое-то время начала уступать место другим каким-то.

В общем, если суммировать: в момент, когда это случилось, это было воспринято как шанс для, наконец-то, нового типа взаимодействия, но этого хватило ненадолго.

ГРЕК: Следующая хронологически важная точка — это начало цветных революций в постсоветском пространстве: цветная революция в Грузии, Украине, Кыргызстане. Что вы о думаете о генезисе этих революций и как в принципе воспринял Кремль эти революции, и как восприняло сообщество международных, то есть людей, которые профессионально занимаются этой темой?

ЛУКЪЯНОВ: Ну Кремль воспринял однозначно, это, значит уже был переход на осознание того, что экспансия Запада... экспансия в разных смыслах, не

важно там, военно-политическая, хотя и она тоже, но главное, что распространение сферы влияния дальше уже за пределы бывшего советского блока и на территорию СССР будет продолжаться и уже из этого надо исходить. То есть, как бы никаких границ аппетитам [00:40:00] евроатлантических институтов не существует. А поскольку в России в это время уже начинала формироваться какая-то новая философия, что ли, связанная с неудачами попыток встроиться в этот западный мир, то это было воспринято как угроза, конечно, особенно, Украина, эта оранжевая революция 2004-го года, и как необходимость серьезно работать прежде всего не на международной арене, а внутри.

Скажем, вот Грузия, ну Грузия — страна маленькая, страна чудовищно проблемная на тот момент: нищая, коррумпированная. Шеварднадзе не был российским другом, или там тесным партнером. Когда его сместили, первая реакция, то есть это вызывало большое напряжение здесь, то как все это происходит, но как вы помните, наверное, тогда особенно резких движений не было, более того, Россия в общем-то приложила некоторые усилия, чтобы этот вопрос так утихомирить. В особенности, когда новые власти попытались взять под контроль Аджарию, где сидел такой самостоятельный князек, [Аслан] Абашидзе. Кто он тогда был-то, министр еще? —Министр Иностранных Дел Игорь Сергеевич Иванов, на своем самолете «его вывез от греха». Это был 2003-ий год.

Украина, конечно уже воспринималась иначе. Во-первых, потому что Украина — это Украина, это совсем другой масштаб и другое отношение, во-вторых, потому что, уже в тот момент [00:42:00], не на официальном, но на экспертно-публичном уровне, на Западе открыто велась дискуссия о том, что, конечно, Украина должна войти в НАТО. Ну само собой разумеющееся: НАТО — следующий этап. Вот это воспринималось как крайняя степень угрозы.

А когда произошло то, что произошло с этой, так называемой, оранжевой революцией, которая изобиловала очень странными обстоятельствами, конечно, и до сих пор так и не понятно, что там было за кулисами. Российское руководство по воле и инициативе тогдашнего президента Кучмы украинского, совершила такой конфуз получился, когда Путин же лично участвовал в избирательной кампании Януковича: ездил туда, на параде с ним стоял. Москва была завешена этими билбордами с Януковичем: тоже странная была идея, но чтобы, наверное, украинцы здесь голосовали. Путин его дважды поздравил, если помните. Когда он вроде как победил, Путин его поздравил один раз, потом поздравил еще один раз. То есть это был конфуз редкостный для [Путина]. Персональный, я думаю, что он с тех пор и к Януковичу, и к Украине питал очень разные чувства.

Но самое главное, что у нас люди, которые внимательно следили — речь и о спецслужбах, и о экспертном сообществе — они убедились, что

действительно, существует, я не назову это технологией, но определенный порядок действий поддержки со стороны западных [00:44:00] правительств, западных неправительственных организаций, которые будучи системно задействованными, очень сильно влияют на политическую ситуацию в стране.

И тогда, как и в [20]14 году, как и тогда, значит, у нас тут кипели споры. Одни говорили: «Причем здесь Запад, это вот, как бы прогнивший режим, народное восстание, там то сё», другие говорили, что: «Какое народное восстание, вы посмотрите, что там делали Сорос, то-то-то». Естественно в реальности было и то, и то: была усталость от очень тупикового пути развития и горячее желание определенных сил на Западе его стимулировать. Ну вот тоже самое, только в гораздо более жестком и ужасном виде мы видели в [20]14 году.

Так вот, насколько я помню, период где-то, (это оранжевая революция и приход Ющенко случились в конце [200]4 года), вот где-то до осени 2005-го года российская система власти прежде всего пребывала в некотором шоке, ступоре, прежде всего, потому что тогда, вот действительно то что потом все время приводилось как мотивация действий России, но потом это было неправда, а вот в тот момент, это было правда. Был страх, что это репетиция, что вот Украина все-таки страна близкая, похожая на нас и люди похожие,

вот сейчас там, так сказать, все это протестировали, а следующая цель — это Россия. Цель не военная, а именно вот такого рода.

И весь этот период, ну следующие полгода или больше того, принимались разного рода меры, чтобы изучить, как это стало возможным там, чтобы законопатить те [00:46:00] прорехи, которые могут позволить повторению того же самого в России. И тогда вот появились в частности массовые молодежные организации с тем, чтобы, если они выводят майдан, мы выводим свой, ну и так далее. И это продолжалось, вот на мой взгляд, полгода или даже больше. Потом, в общем, на Украине все пошло как всегда, то есть опасения, что Украина станет такой витриной прекрасной демократии, процветающей перед нашим порогом, ну, как мы знаем, ничего этого не вышло — отлегло. Одновременно были приняты меры, которые, в общем, как минимум, учли то, что сработало там.

Что касается отношений с Западом, то, конечно, это был важнейший, важнейший тоже момент, наверное, второй после ПРО, когда было принято к сведению, что тема смены режима в том или ином виде, от иракского примера до молдавского, будет осуществляться постоянно, что это является неким императивом Запада и поэтому к этому надо готовиться, и в соседних странах, и самое главное — у себя. И в общем, с тех пор, эта линия только укреплялась.

ГРЕК: Это нас постепенно переводит к вопросу внутренней политики

некоммерческих организаций и поддержке их со стороны США. В 2005 году во время поездки по случаю Дня Победы, Буш встретился с представителем НКО и тогдашними диссидентами. Как в принципе воспринимали подобные встречи россияне, российская власть [00:48:00], и как по-вашему, было ли это конструктивным с точки зрения развития отношений между двумя странами? И должна ли была администрация Буша дальше поддерживать свободу слова или тогда не надо было входить в сферу внутренних политических процессов в России?

ЛУКЪЯНОВ: Значит, ну, знаете, тут мы подходим к основной теме, на самом деле, сегодняшней политики, которая, естественно, корнями уходит туда. В 2005 году, естественно, российское руководство никак не радовалось тем встречам, которые проводили, там, Буш или другие американцы, собственно, это считалось обязательным элементом любого визита госсекретаря, еще какого-то официального лица западного: нужна встреча с гражданским обществом. Это вызывало нервную реакцию, но, в общем, этому как бы не препятствовали — ну раз у вас так принято, то принято. Потом постепенно это становилось все более конфликтно на фоне того, что происходило в мире, в сознании российских руководителей, да и не только, просто наблюдателей. Конечно поддержка внутренних оппонентов власти стала напрямую ассоциироваться с возможной сменой режима.

И опять же, в Соединенных Штатах, мне кажется, когда анализируют этот период [00:50:00], недостаточно соединяют все, что тогда происходило: то есть, как бы, Ирак — это Ирак, вот в Ираке, значит, такая канва, Арабская весна – это что-то еще, Палестина, и так далее. Вот разные элементы и вот это все. А на самом деле все то, что происходило с начала 2000-х годов до Майдана, вот этого второго Майдана, до [20]14 года, здесь — и я бы не сказал, что это паранойя какая-то, это просто такая, как бы, целостная оценка — воспринимался как курс на максимально широкое, любыми средствами: от военных до невоенных, от силы самой жесткой до самой мягкой, распространение западных институтов и сферы влияния куда только можно.

То есть, вот это «democracy promotion», это и Ирак — «democracy promotion», вот с теми средствами. Киргизия — это тоже, ну понятно, что другая специфика, другие инструменты, но в целом это один процесс. И соответственно, если Запад исходит из того, что вот это и является главным, главной задачей для трансформации мира, а это в общем вытекало из всей философии конца, политической концепции конца 20-го века: конец истории — это вот когда история приходит вся, история всего мира приходит вот сюда. Где она не приходит, там мы ей поможем, потому что все равно она туда должна прийти.

Картина упрощенная, но в общем если вот взять, политики же они все-таки мыслят не тонкими философскими категориями, а вот они видят, что

происходит, сопоставляют все это. И соответственно [00:52:00], вот в этом контексте императив американских или европейских политиков: что мы обязательно должны разговаривать с гражданским обществом, он воспринимался как нечто злонамеренное, если не сейчас, то на будущее.

Довольно долго это терпели, потом с этим стали бороться в том смысле, что это стали как-то выкидывать на публику. Каждый раз, когда случались какие-то внутренние обострения, как, например, в 2011-2012 годах, стало активно подчеркиваться, что «Вот смотрите, вот здесь, на этом митинге был представитель посольства США», а «Вот смотрите оперативная съемка, там» — не знаю — «оппозиционный деятель встречается с представителем посольства Швеции» и так далее.

Сейчас вот мы подошли к ситуации, когда вот это является принципиальным моментом, особенно, когда администрация Байдена пришла, которая вернулась к этим лозунгам. Трампа это мало интересовало, а вот Байден как бы воссоздает этот ценностно-ориентированный подход, и европейцы то же самое, они всегда это делают. И раньше Россия... Путин там, или Лавров, или еще какие-то деятели — они спорили: «Вот нет, вы не должны этого делать, а вот вы нас критикуете за это, а это не так. Чечня — нет, вы посмотрите; ЮКОС — нет, вот это» и так далее, все эти. Значит, какие-то там сюжеты по которым Россию критиковали: эта отвергалась

критика, но как бы: «Вот смотрите, на самом деле вот, вы не хотите нас слушать».

Сейчас мы подошли к принципиальному моменту, когда, условно [00:54:00] говоря, Навального история, еще какая-то такого рода, американцы или европейцы говорят: «А вот у вас». А им говорят: «А это вообще не ваше дело, идите отсюда! Это наше внутреннее дело, все». Это на самом деле очень важный момент, потому что вся предыдущая история вот этих объяснений, гневных отповедей исходила из того, что все-таки мы считаем, что мы перед вами должны отчитываться или объяснять что-то, а теперь мы, в общем, подошли к ситуации:

«А вот у вас...».

«Пошел отсюда».

И на самом деле, это проблема отношений России с Западом, но это проблема гораздо более глубокая. Это проблема того на каких основаниях мир устроен до определенного момента... да и тоже самое делают китайцы, кстати. Вот сейчас мы это видим, раньше китайцы еще жестче все это отвергали, но они в ответ выдвигали истинную картину: про уйгуров, вот такое, а сейчас, значит, им говорят: «То-то, то-то», а они говорят: «А кто вы такие, чтобы нас учить? Встал и вышел отсюда». И это новый период не в российско-американских или китайско-американских отношениях — это

новая ситуация в мире, когда вот перестает признаваться универсализм неких принципов.

Мы, опять же, к этому шли... ну собственно, с [19]90-х годов, еще и при Клинтоне, это тоже было. Другой вопрос, что в ту пору Россия была в том состоянии, когда она могла только, так сказать, отбредиваться, но поскольку она зависела, особенно в некоторые периоды, просто от материальной поддержки, то там можно сколько угодно отлаиваться, но когда нужны деньги, очередной транш, «stand-by credit» МВФ, то тут приходится, а [00:56:00] потом постепенно от этого. Путин, между прочим, первое, что он сделал, когда стал президентом, он потребовал там ото всех, Минфина и прочих, опережающими темпами выплатить все долги. Как раз пошел подъем цен на нефть, появилась возможность. Ему финансисты говорили, что: «А не обязательно, мы можем выплатить нормальным образом». [Путин:] «Нет, вот как можем быстро». Это, конечно, было политическое решение, чтобы ни в чем не зависеть. «Все, мы уже, мы рассчитались, теперь».

И при Буше особенно это было, вызывало раздражение часто, потому что с одной стороны, значит, они приезжают, тут объясняют, как надо демократию строить, а с другой стороны — Ирак, с другой стороны — Гуантанамо. И они говорят: «Вы на себя-то посмотрите». И это не сразу, но это меняло отношение, в том числе и общества, к американскому нарративу. Сейчас вот то, что я могу судить по своим студентам, например, это ребята

начала 2000-х годов рождения, то есть они, собственно, при Буше и Путине родились, а потом — это, я не сказал бы, что они такие суперлояльные, и у них много вопросов к нашей власти, но у них нет абсолютно никаких ожиданий и иллюзий от Запада, вот то чего, например, когда я был студентом: мы на Запад смотрели как на свет в окне, это там середина-конец [19]80-х годов, и все наши перемены они были к тому, чтобы туда куда-то. Сейчас этого близко нет: «Ну Запад...». Ну то есть Запад признается как место, где даже многие хотели бы жить, но это никоим образом не эталон, тем более морально-политический. И вот это, наверное, одно из тоже мощных изменений [00:58:00] в том числе объясняющие почему сейчас Россия так резко отвергает любые попытки ее чему-то, значит, что-то ей предписать и научить.

ГРЕК: Президент Путин произнес известную речь на Мюнхенской конференции по безопасности, которая идет с 2007-го года, в которой подверг критике США, как дестабилизирующую державу, пренебрегающую основными принципами международного права. Американцы были удивлены таким поворотом российской риторики и администрация Буша признала несогласие Кремля по поводу выхода из договора по ПРО вторжением в Ирак, расширением НАТО. И американские официальные лица по-прежнему считают, что Путин не понял причину, действительную причину этих шагов США, считают, что разногласия могли быть косвенно решены и даже были решены, а если нет,

то могли быть предметом переговоров. Более того, в администрации Буша было понимание того, что такие жесты, когда Буш резко перестал критиковать лично внутреннюю политику России — то есть, опять же, возвращаясь к теме НКО — это был такой сигнал о готовности к переговорам, который Путин не воспринял. Как вы отреагировали на выступление, на мюнхенскую речь? По вашему мнению, что на тот момент пытался сделать Путин? И согласны ли вы с утверждением, что разногласия не были настолько весомыми и Путин слишком остро отреагировал на них в своей речи?

ЛУКЪЯНОВ: Опять же, у меня, наверное, замедленная реакция по жизни: когда эта речь была произнесена, мне тогда не показалось она уж такой прям поворотной. Меня, честно говоря, немного удивляла реакция на Западе, потому что... вот интересное упражнение для понимания тогдашних процессов. Вот Путин в Германии произнес две [01:00:00] исторические речи: одну он произнес в немецком Бундестаге осенью 2001-го года на немецком языке, что тогда было особо подчеркнуто, вызвав просто овации, рукоплескания всех. Это было после 11 сентября, он говорил о том, что «Вот теперь — то мы видим кто настоящий враг и что такое настоящая угроза», и, «Ну давайте уже, да, у нас есть разногласия, но они абсолютно не являются непреодолимыми, мы можем договориться и заняться реальными проблемами», — и это было воспринято просто на ура. Если вы сравните

текст этой речи, содержание этой речи с содержанием речи в Мюнхене в 2007 году, по набору тем и даже оценок они идентичны. Там все то же самое: те же проблемы, те же указания на то, что у нас есть общие угрозы, с которыми надо бороться, а мы вместо этого занимаемся чем-то другим, тот же список российских неудовлетворений, там ПРО, НАТО и так далее — тональность другая.

То есть в 2001 году это было приглашение, что: «Теперь мы поняли, давайте», а в 2007-ом это было: «Ну что ж такое-то, вы же видите, что ж творится», и восприняли это как вызов, хотя, на мой взгляд это все-таки был еще... поскольку Путин еще, на самом деле, все нулевые годы — ну как минимум до Грузии, мне кажется — все-таки искал пути как бы вот так найти форму более-менее приемлемого, взаимоприемлемого сосуществования и взаимовыгодного [01:02:00], то есть это был такой последний вопль, что: «Не, ребята, ну вот смотрите, что творится-то, ничего не происходит — все только хуже, давайте уже». Воспринято это было как вызов и ультиматум, хотя еще раз повторю: по содержанию — это абсолютно то же самое, что он говорил до этого много раз и, в частности, в той вот речи, которая тогда воспринималась, как просто вот протянутая рука. Там я помню, глава комитета по международным делам Бундестага, после этой речи сказал: «Ну все, мы можем принимать Россию в НАТО».

Конечно, опять же, задним числом, глядя назад, мы понимаем, что, наверное, хотел Путин того или не хотел, но речь была, действительно, поворотная, потому что да, наверное, это был последний вопль, но он не был воспринят. Он был воспринят, что Россия наглет, поэтому тем более ее надо сдерживать, между тем, как он хотел, чтобы это восприняли, что: «Россия, да, видно, русские совсем недовольны, давайте вдумаемся, а почему? Может быть мы можем что-то сделать». Те реакции, которые были на Западе... там другое было представление, что: «Мы русские и то и се и пятое и десятое». А им ничего: «Они всем недовольны и все время придираются». Она понятна, но она исходила из предпосылки, которая сформировалась, собственно говоря, в момент окончания Холодной войны: что переговоры могут вестись не о сближении интересов, не о сближении позиций, а о том как Россия примет те формы взаимодействия и политические постулаты, которые предлагает Запад, потому что они правильные: «Вот они правильные, русские в чем-то не понимают, в чем-то, может быть, им это неудобно, но давайте [01:04:00] вот сделаем так, чтобы они либо поняли, либо чуть-чуть сделать им поудобнее».

Это не был вопрос о принципах того, как все должно быть устроено. Если уж совсем уходить в прошлое, то понятие нового мирового порядка, которое ввел когда-то Горбачев, а потом перенял Джордж Буш Старший — это был такой шаблон, аксиома, что все: кончилась Холодная война, у нас

сейчас будет новый мировой порядок. У Горбачева была утопическая, но все-таки картина этого порядка, это была конвергенция двух систем: мы прекращаем соперничать, но зато мы смотрим у кого что лучше и как-то это сближаем, соединяем, получается вот и там хорошее, и тут хорошее. Это была чистая утопия, но во всяком случае, он как-то ее описывал. Но новый мировой порядок по-американски никогда и нигде не описывался, как бы само собой разумелось. Но понятно, теперь, вот как бы сказать, «Конец истории наступил, вот эта наша модель она правильная и теперь пусть все остальные, поняв, что правильное, пусть они приближаются, а мы будем им помогать в этом».

[19]90-е годы, собственно, прошли под этим флагом, в том числе и здесь, Россия в общем с этим не спорила, а) потому что не могла; б) потому что тогда были все-таки политические силы, которые тоже так думали. А потом, по мере того как возникало все больше проблем с этой моделью... не только у нас с Америкой, а вообще, тут, значит, начались всякие вопросы, но на эти вопросы со стороны Запада ответов не было, в том смысле, что Запад от этой, вот этой базовой предпосылки не отказывался. В результате вот мы пришли к тому, что сейчас, когда уже и на Западе никто не полагает, что западная модель будет распространена на весь мир, а теперь возникает просто уже [01:06:00] настоящая конфронтация, потому что как Трамп, собственно говоря, это провозгласил, а Байден это не отменил: конкуренция

великих держав. Байден просто нахлобучил на это еще и ценностную шапочку, как раньше, но по сути-то ничего не изменилось.

И, короче, возвращаясь к путинской речи, значит, он пытался через мегафон крикнуть, что, как бы: «Ребята очнитесь, по-вашему, как вы хотите уже не будет, а если вы хотите, чтобы было хорошо, давайте вместе обсуждать», — на что ответ поступил, что: «Нет, обсуждать мы вот это все не собираемся, особенно в таком тоне, поэтому извините. Россия, если ей чего-то не нравится, ну увы». Дальше, собственно, то, что последовало дальше — это уже был следующий этап, начиная с Грузии и так дальнейшие шаги, когда с Российской стороны было принято, как аксиома, что Запад договариваться ни о чем не будет пока он не натолкнется на непреодолимое препятствие с той концепцией, которую он несет. Ну значит эти непреодолимые препятствия будут возникать.

ГРЕК: Да, то есть, если возвращаться к вопросу о том, что некоторые американские политики интерпретируют ситуации, которые вызвали Мюнхенскую речь, как предмет переговоров возможный, то правильно ли будет сказать, что в России было четкое понимание, что это невозможно и сигнализирование не было воспринято, если оно было?

ЛУКЪЯНОВ: Нет, дело в том, что, а какие переговоры возможны? Вот то, что мы уже упоминали в разговоре, что были какие-то переговоры по ПРО? Не было же. Никто не предлагал никаких переговоров. Соединенные Штаты объявили об

одностороннем выходе — все. Были ли какие-то [01:08:00] переговоры о расширении НАТО? Переговоров не было. Россия упиралась некоторое время, потом Россия перестала упираться — это отдельная дискуссия. Вот правильная была позиция тогда в 90-е годы, что: «Ладно, черт с ним, мы все равно ничего сделать не можем, тогда пусть». Или может быть она была неправильная, может быть тогда надо было как раз упереться как следует и, тогда вот пошло немножко иначе, хотя я не знаю, не уверен. Но предметом переговоров, еще раз, как мне кажется — с западной стороны представление о переговорах было вот то, как я описал, что: «Мы делаем то, что надо, а с вами давайте поговорим каким образом вы к этому адаптируетесь, если вы хотите, а если нет, мы все равно сделаем». Ну Россия с какого-то момента, такого рода переговоры перестала воспринимать как переговоры.

ГРЕК: Оказал ли переход от Путина к Медведеву какое-либо существенное влияние на формат российско-американских отношений?

ЛУКЬЯНОВ: Ну оказал безусловно, потому что у Путина с Обамой отношения были... собственно, их не было. А когда они спорадически случались, они были явно вот, очевидно неприязненные. У Медведева с Обамой отношения, вот как раз говоря о химии, отношения были явно такие позитивные. Медведеву, как мне кажется, который все-таки постоянно соразмерял себя с Путиным и, наверное, ему казалось, что ему надо как-то вот более решительно утвердить свой статус как главного русского человека, и на

мировой арене тоже, он очень был заинтересован в поддержании хороших отношений с Обамой, потому что полагал, что таким образом повышается и его статус [01:10:00].

Но учитывая, что Обама пришел в очень низкой точке отношений России с США, после войны на Кавказе, он, ну плюс там был финансовый кризис, который, конечно, для Запада затмил все остальное, но все-таки, Обама, будучи человеком в общем прагматичным, он считал необходимым какие-то вопросы с Россией решить и, ну как бы, снизить значимость России как проблемы для Америки.

Медведев в этом смысле был подходящий собеседник. Наверное, еще, кстати говоря, одним важным моментом российско-американских, российско-западных отношений была Ливия. Вот это странное решение, до сих не вполне понятное, лично, президента Медведева не накладывать вето на резолюцию о военном вмешательстве, чтобы... это было именно его решение, все были против: МИД был против, Путин был против. Но он, как многие полагают, именно из соображения, что ему не хотелось портить отношения с Обамой и с Соединенными Штатами вот из-за этой, как он, видимо, считал не очень важной темы. Ну произошло то, что произошло, и в некотором смысле это было еще хуже, чем Ирак. Ну просто даже сами картины, ну как бы визуализация последствий российского решения, судьба полковника Каддафи и Ливии в целом: за что, конечно, в значительной

степени ответственность несет Россия именно, потому что, если бы Россия наложила вето, ну я не знаю было бы вмешательство в таком виде или нет. Могло и быть все равно, но могло и не быть. Ну в общем это было таким шоком [01:12:00], достаточно сильным, который признан как ошибка уже теперь.

Но в плане отношений это был... ну это можно так трактовать, что это была такая еще одна попытка: может быть наивная, может быть по неопытности Медведева, но тем не менее. Но все-таки: «Вроде как они нас просят, им нужно, ну мы пойдем на встречу и тогда потом улучшится общий климат». А то что получилось было настолько тошнотворно и отвратительно для всех, что: «Нет, все, вот теперь все, вот больше никогда, все, мы уже убедились, и опять попробовали, и опять вот эта вся дрянь». И отсюда, кстати, растут корни крайне жесткой абсолютно неуступчивой позиции по Сирии, что: «Нет, все, мы с вами пошли, втянули вы нас, больше никогда». Ну собственно, мы видим, то что в Сирии ситуация развилась совершенно иначе, чем в других странах арабской весны.

Короче говоря, при Обаме, наверное, благодаря тому, что был Медведев, а не Путин — просто лицом был Медведев — удалось осуществить эту самую перезагрузку, которая в некотором смысле свои задачи решила, то есть это же было. Что такое была перезагрузка? Перезагрузка была пакетная сделка: было положено на стол несколько тем, которые, часть из них была

важна американцам, часть из них была важна русским, и из них в центре этого всего лежала иранская проблема и проблема договора СНВ. И путем всяких разменов и формальных или не вполне формальных договоренностей был достигнут вот такой компактный пакет, включавший в себя [01:14:00] вступление России в ВТО, согласие России на санкции против Ирана, неформальное снижение активности Соединенных Штатов на постсоветском пространстве. Это нигде не было записано, но, в общем, было понятно, что это часть неких договоренностей.

Ну и вот да, и договор СНВ, и это сработало, но это сработало именно как, ну такой, я не знаю, эпизод для некоего торможения скольжения вниз. Потом произошло то, что произошло. Собственно оказалось, что сам по себе договор СНВ в отличие от того, что было в годы Холодной войны — это больше не стержень отношений, вот раньше эти отношения нанизывались вот на это. А теперь: «Ну да, хорошо заключили, ну здорово, да, это хорошо», — но это в общем ничего не изменило. Так же как сейчас продление СНВ еще на пять лет, которое, вроде как все хотели и благодаря уходу Трампа получилось и что? Ничего. Это никоим образом не изменило ни атмосферу отношений, ни повестку дня, не создало новых возможностей, вот поэтому...

А в остальном, ну а потом, собственно, ну дальше про Обаму можно долго рассуждать: в чем он был прав, в чем он был не прав. На Обаму приходится, кстати говоря, последний момент, когда, по времени последний

момент, когда Путин, на самом деле, сыграл очень элегантную роль — когда это было, в [20]13 году? — когда вот эта была уничтожение химического оружия сирийского. Ну и действительно получилось, что шло к войне, войну никто не хотел, никто не знал, чего делать, а тут выходит Путин и говорит: «А вот можно так, давайте?» И вдруг все сказали: «А да». Это было красиво и надо сказать, что, в [01:16:00] общем-то, в некотором смысле, Путин в том году получил Нобелевскую премию, потому что, если вы помните, дали ее организации по запрещению химического оружия, исключительно потому, что осуществилась вот эта вещь. Ну потом, собственно, это уже тоже умерло.

ГРЕК: Отношения Медведева и Обамы начались, по сути, с конфликта в Грузии, по большому счету — это же кульминация такая отношений двух предыдущих администраций и переход в новые отношения между Россией и США. Почему произошел конфликт в Грузии? Как по-вашему справились США и Россия со своими задачами в рамках этого конфликта и, в принципе, как восприняли конфликт в России в широком смысле: общество и власть?

ЛУКЪЯНОВ: Ну отношения Медведева и Обамы, все-таки, начались чуть позже; конфликт был в последние месяцы Буша — Медведев уже был, Обамы еще не было. То есть, когда Обама вступил в должность, уже острота лета 2008-го года немножко спала, во-первых; во-вторых, полыхал мировой финансовый кризис и было, явно, Обаме... в системе его приоритетов Грузия не стояла очень высоко.

Сам по себе грузинский конфликт был, в общем, квинтэссенцией всего того, что происходило до этого. Кстати говоря, последняя, мне кажется, встреча Буша и Путина в Сочи весной [200]8-го года, когда они приняли декларацию, как-то называлась она хитро о «рамках отношений», на самом деле, это вот и была перезагрузка будущая. То есть тогда уже в общем был сформирован этот пакет, просто при Обаме его реализовали. И казалось, что вот это некое завершение [01:18:00] отношений США и России при Буше или, там, Путина и Буша более или менее такое, ну спокойное: «Вот да, много чего было, но мы пришли к тому, что давайте как-нибудь попробуем не обострять дальше», ну а потом случилась Грузия.

Грузия — это, как мне кажется, продукт вот того, о чем мы уже говорили, то есть, это настойчивое стремление Соединенных Штатов, все-таки, укреплять силы и системы, которые им лояльны, на территории все далее и далее к востоку от бывшего Варшавского блока. И сама фигура президента Саакашвили, который сам себя позиционировал как самый главный друг Америки в мире и занимал демонстративно антироссийскую позицию и пользовался поддержкой Соединенных Штатов — вот эта фигура, безусловно, стала катализатором.

То, что напряжение нагнеталось, многие констатировали, собственно, за несколько месяцев до самой войны. Тут надо помнить, что в 2008-ом году случилось два события, которые эту войну очень стимулировали: это

провозглашение, одностороннее провозглашение независимости Косово и признание его большей частью западных стран, и Бухарестский саммит НАТО, на котором прошла такая острая дискуссия между США и европейскими странами — Германия, Франция — относительно целесообразности начала процессов вступления Грузии, Украины в НАТО. И было принято решение, которое тогда [01:20:00] интерпретировалось как, ну как бы сказать, победа России, хотя на самом деле, таковым не было, а наоборот создавало еще худшую ситуацию для войны, когда план действий по членству в НАТО Грузии, Украине не дали. Германия, Франция намертво встали, сказали, что «Нет», зато в финальной декларации, меморандуме было написано, что Грузия и Украина станут членами НАТО, когда-то.

И они это подавали, особенно, европейцы, как уступку России. С другой стороны, если на это посмотреть, более объективно, то в чем уступка-то? План действий по членству, понятно, что это формальность, но все-таки это набор критериев, которые надо выполнить для того, чтобы вступить. Теоретически ты можешь застрять на каком-то этапе — теоретически. А здесь плана не дали, зато написали: «Будут членами НАТО». И я думаю, что это сыграло роль в том числе и в действиях Саакашвили, который полагал, что раз уж так, то если что, то конечно не бросят, но это была его наивность и глупость, но тем не менее он исходил из того, что раз такое написали, раз такое говорят, что Америка с Грузией, и все с Грузией, то....

Сейчас об этом вспоминают, буквально, вот эти дни много в связи с Украиной, потому что очередное обострение на Донбассе, и там, звонки генерала Остина, или Блинкена, или Байдена, которые все говорят, причем интересно, что все абсолютно одинаково, вот это «unwavering support», то есть непоколебимая поддержка. Вот Саакашвили тоже полагал, что у него непоколебимая поддержка, потом оказалась, что она, да, но только....

[01:22:00] Так вот, это все сгущалось и, опять же, на Западе как-то почему-то склонны все это разделять, и что да: «вот есть агрессивная Россия, которая ждала-ждала повода, и, наконец, дурак Саакашвили дал этот повод, и тут они и влезли». А то, что это, действительно, к этому шло логически, шаг за шагом, когда признали независимость Косово. В общем, с нашей стороны — я уж не помню, на каких уровнях, на экспертных-то точно, а, по-моему, были и намеки на официальных — что: «Ребят, ну вы тогда извините, раз ящичек открыли, ну тогда вот». И в общем многие говорили, что теперь, в общем, Абхазия, Южная Осетия — это следующие места для дискуссий, как минимум.

То же самое с этим членством в НАТО, если все предыдущие годы продолжалось в общем автоматическое расширение НАТО на восток и когда дошли до того, что теперь на очереди Украина и Грузия, ну в общем, наверное, если бы подумали более глубоко, то поняли бы, что так просто это не закончится. Но интересно, что это и не закончилось, ведь в 2008-ом году,

да, грузинская война была некоторым шоком, но, возвращаясь к вашему вопросу, но в общем, из нее удалось выйти. Ну Россия не пошла до конца, то, чего все боялись, что сейчас возьмут Тбилиси, а Саакашвили повесят, как Муссолини — этого не случилось. Прошло там пару месяцев, и... да, плюс, в общем-то на Западе признали, что все-таки спровоцировал он, спичку бросил он, ну дурак, ну что возьмешь, сумасшедший и так далее. И как-то оно все опять утихло. Саркози подсуетился договоренностью сначала [01:24:00] прекращения огня, потом некое установление нового статуса-кво и, судя по всему, окончательных уроков никто не извлек, потому что если бы извлек, то Украины [20]14 года, в том виде в каком она была не было бы, а она случилась.

И к сожалению, этот период, с [200]8 по [20]14 — это время после некоторого расслабления, вот перезагрузка, где-то, [200]9-[20]11 годы, может быть, начало [20]12, нет [20]11, до нашей Болотной площади — это была некая разрядка. Потом все начало накручиваться по новой: новый срок Путина, новая волна разговоров о том, что атлантические институты все-таки должны дальше развиваться и так далее, и потом уже Украина.

Украина, конечно, стала поворотным пунктом, потому что, когда стало понятно, что вот это автоматическое расширение на Восток чревато серьезными рисками, вот серьезными — потому что Грузия в общем

серьезных рисков не несла Западу, а Украина уже понесла, прежде всего Европе — тут началась какая-то новая стадия.

А возвращаясь к нашей теме, вот этот, конечно, период Буша Младшего — это было время, когда проблемы мировой ситуации стали довольно быстро нарастать, а решения у лидирующих стран мира, прежде всего, Соединенных Штатов, решение было: «Мы должны усилить то, что делали раньше», — [01:26:00] не то, что задуматься, может чего-то не так, а наоборот: не доработали раньше, но сейчас мы доработаем, включая даже меры принуждения.

Вот и Буш, это как раз, особенно первый срок Буша — это пик этой ситуации. Естественно, это воспринималось в других странах, прежде всего в России с нарастающей тревогой — тревога, которая вначале толкала скорее к тому, что: «Как-нибудь вот так вот аккуратненько, чтобы нас не задело». А когда стало понятно, что Соединенные Штаты начинают проваливаться с этим, не вышло, то есть проблемы продолжают нарастать, а рецепты не работают, вот тут, естественно: «Ах так, то есть у вас не выходит, вы не хотите ничего менять, ну тогда извините, мы тоже будем реагировать так, как считаем нужным». Так что, наверное, действительно время Буша — оно, и для мира в целом, и для российско-американских отношений, было крайне важным периодом. В некотором смысле более важным, чем то, что было потом.

ГРЕК: Супер, последний вопрос даже задавать не пришлось. Все, мы закончили.

[КОНЕЦ АУДИО/ВИДЕОФАЙЛА]